

В сборнике поднимается множество теоретических проблем (а некоторые поставлены впервые). Статьи существенно различаются по охвату материала и уровню самого анализа, так что оценка их не может быть однозначной.

В целом появление рецензируемого издания — важное событие в ономастике. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на терминологическую небрежность отдельных статей, особенно недопустимую при исследовании названий. Так, например, в одной и той же статье употребляются как синонимы термины «вьетнамцы», «вьеты», «собственно вьетнамцы», «вьетнамский этнос» (с. 18—23). Нам представляется, что следует различать народ, называющий себя вьетами, и государство Вьетнам. Вьетнамцами можно обозначать все население Вьетнама, прилагательное «вьетнамский» следует употреблять по отношению к ученым, деятелям культуры, политикам, воинам, рабочему классу и т. п. безотносительно к национальности. Когда же мы имеем в виду именно народ вьеты (кинь), то нужно говорить о вьетском этносе, вьетской культуре, вьетском языке и т. д. Разумеется, эти соображения можно отнести и к другим народам, в том числе и к кхмерам. Как, например, следует понимать фразу: «основную этническую группу Кампучии составляли камбоджийцы — потомки древних кхмеров» (с. 135)? Как и в предыдущей статье, здесь употребляются названия «вьетнамцы», «вьетнамские топонимы», хотя по контексту следовало говорить о «вьетах» и «вьетских топонимах».

Специфика такого издания, как рассматриваемый сборник, не всегда позволяет авторам основательно аргументировать свои положения. И тем не менее надо думать, что поставленные здесь вопросы дадут толчок развитию творческой мысли исследователей в области ономастики.

А. И. Кузнецов

А. И. Тарасова. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 344 с. с илл. (Серия «Русские путешественники и востоковеды»)

Написанная сотрудницей Института Дальнего Востока АН СССР А. И. Тарасовой книга о выдающемся исследователе Дальнего Востока, писателе яркого дарования В. К. Арсеньеве (1872—1930 гг.) заслуживает самого серьезного внимания как ценный вклад в историографию русской и советской этнографии, ибо значительное место в ней уделено анализу этнографического аспекта творческого наследия Арсеньева.

Из книги А. И. Тарасовой читатель получит исчерпывающую информацию о публикации трудов Арсеньева, о посвященной ему литературе — в виде предисловий к изданиям его произведений, а также статей и монографий, освещающих жизненный и творческий путь Арсеньева в целом или акцентирующих внимание на отдельных аспектах его научной деятельности (работы Ф. Ф. и Т. Ф. Аристовых, М. К. Азадовского, Н. Е. Кабанова, Г. Г. Пермякова, Н. М. Рогова, Т. В. Станюкович, Б. П. Полевого и А. М. Решетова, и др.), а также о все возрастающем с годами числе статей и заметок об Арсеньеве в журналах и газетах. Однако несмотря на то, что изучение деятельности Арсеньева ведется широким фронтом в течение более половины века, его творческое наследие далеко не освоено. Между «арсеньеведами» имеются разногласия как в датировке, так и в трактовке отдельных событий из жизни ученого и в оценке его сочинений. На этом фоне стихийности и фрагментарности ведущихся исследований появление рецензируемой книги представляется весьма значительным событием. Благодаря многолетней кропотливой работе в архивах, в частных собраниях, в библиотеках, музеях А. И. Тарасова выявила громадный новый материал. Это позволило ей осуществить беспрецедентный по широте и глубине анализ творческого наследия Арсеньева (включая неопубликованные работы) и всей литературы о нем — мемуарной, биографической, исследовательской, результаты которого освещены в первом — историографическом разделе книги (с. 9—59). Критический склад ума и ревностный поиск истины, обнаруженные в архивах новейшие данные позволили А. И. Тарасовой заметить ошибки и неточности, встречающиеся в работах не только позднейших исследователей, но и современников Арсеньева, его спутников по путешествиям, коллег и родных.

Следующий раздел (с. 60—100) книги знакомит читателя с судьбой личного архива В. К. Арсеньева¹. В третьем разделе (с. 101—215) даются обстоятельный обзор и оценка научного значения всех совершенных Арсеньевым экспедиций. Последний раздел (с. 216—285) посвящен этнографическим исследованиям Арсеньева.

Сделанный автором обзор этнографического наследия В. К. Арсеньева является по существу подробно аннотированным каталогом, включающим помимо известных работ ученого и основательно забытые, ставшие библиографической редкостью, а также неопубликованные статьи и материалы — экспедиционные дневники, словарные записи, записные книжки, карты, рисунки, фотографии (с точным указанием их нынешнего местонахождения). К великому сожалению, рукопись книги «Страна Удэхе», над которой многие годы работал В. К. Арсеньев, до сих пор найти не удалось. Но и сохранившиеся со-

¹ Обработанный А. И. Тарасовой в 1972 г. в Приморском филиале Географического общества СССР во Владивостоке личный фонд В. К. Арсеньева (424 единицы хранения) был позднее передан в архив ГО СССР в Ленинграде.

чинения и полевые материалы свидетельствуют о совершенно незаурядной трудоспособности их автора².

Нельзя не согласиться с выводом Тарасовой об уникальности собранного Арсеньевым этнографического материала — ему удалось с большей тщательностью и полнотой, чем его предшественникам, зафиксировать численность, расселение, родовой состав, традиционные культурно-бытовые особенности, этническое самосознание народов Уссурийского края незадолго до начала перемен, принесенных Октябрьской революцией и коренным образом изменивших весь строй их жизни. Такого подробного обследования Уссурийского края после Арсеньева не предпринял пока ни один исследователь.

Заслуги Арсеньева в изучении Дальнего Востока обратили на себя внимание его современников — этнографов, по достоинству оценивших ученого и своим горячим участием способствовавших направлению его энергии по более полезному для науки руслу. А. И. Тарасова проследживает все линии контактов Арсеньева — личных и эпистолярных — с научной этнографической средой, деятелями Географического общества Петербурга — Ленинграда, Москвы, Сибири и Дальнего Востока — с Б. Ф. Адлером, М. К. Азадовским, Д. Н. Анучиным, Ф. Ф. Аристовым, В. Г. Богоразом, Д. К. Зелениным, Е. Г. Кагаровым, П. К. Козловым, Н. В. Кюнером, Г. О. Монзельером, С. Ф. Ольденбургем, Б. Э. Петри, Г. Н. Потаниным, С. И. Руденко, Л. Я. Штернбергом и др.

О высокой оценке достижений Арсеньева в исследовании народов Дальнего Востока крупнейшими представителями этнографической науки свидетельствуют многие факты, бережно собранные и приведенные в книге: вручение Арсеньеву медали ИРГО за доклады по этнографии Дальнего Востока, благожелательные отзывы о его публикациях в этнографических журналах — В. В. Богданова, Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова, Ф. Ф. Аристова и др., наконец, суждения о его работах, высказанные в адресованных ему письмах.

Пожалуй, наибольшее внимание А. И. Тарасова уделяет научным связям Арсеньева с Л. Я. Штернбергом — как по причине их особенной интенсивности, так и значимости в глазах самого Арсеньева. Имеется много документов, раскрывающих дружеский характер отношений между двумя учеными (сохранилась двусторонняя переписка и отзывы Арсеньева о Штернберге в печати и в письмах к другим ученым). Действительно, роль Штернберга в судьбе Арсеньева-этнографа была весьма значительной. Как этнограф-полевик, Штернберг сформировался на Дальнем Востоке и знал ряд этносов, которые изучал Арсеньев. Общение с теоретиком и эрудитом в области этнографической литературы, ученым с мировым именем, несомненно, обогащало Арсеньева. «Заказы» Штернберга стимулировали собирательскую деятельность Арсеньева, благодаря которой фонды Музея антропологии и этнографии пополнились превосходными коллекциями³. Благодаря тесным связям с МАЭ, установившимся в значительной мере в результате деловых и дружеских отношений со Штернбергом, Арсеньев в 1925 г. готовился стать научным сотрудником Музея — ученый совет уже принял соответствующее решение. Наконец, Арсеньев просил Штернберга быть редактором монографии «Страна Удэхе», материал для которой он собирал многие годы (но этому начинанию не суждено было осуществиться: в 1927 г. скончался Штернберг, а в 1930 г. — и сам автор так и не увидевший свет книги). Арсеньев всегда относился к Штернбергу с глубоким уважением и считал его своим учителем.

Попутно хотелось бы отметить одно обстоятельство, не всегда, как нам кажется, учитываемое при обращении к личной переписке как к историческому источнику, — критическая оценка, порой содержащаяся в письмах, предназначается только для одного читателя и не рассчитана на широкою аудиторию, а потому может быть гораздо более «раскованной», так как автор письма не боится скопрометировать откровенностью своего друга или коллегу. Когда же высказанное без оглядки на условности мнение из интимной сферы попадает благодаря публикации в «открытый мир», оно приобретает порой оттенок излишней резкости. Такие мысли приходят в связи с ситуацией, вызванной цитированием того места из одного письма Штернберга, где ряд ошибочных положений в статье Арсеньева «Этнологические проблемы на востоке Сибири» (1914 г.) он объясняет как «результат провинциальной работы». Восприятие этого дружеского высказывания по конкретному поводу в обобщенном виде привело к смещению акцентов, а в итоге к искажению истинной картины отношения Штернберга к Арсеньеву. А ведь известно, что Штернберг всегда был горячим поклонником его таланта.

В рецензируемой книге Арсеньев показан и в роли критикуемого, впрочем, лишь в самых общих чертах. Из числа враждебно настроенных критиков упоминается А. Н. Лип-

² При этом надо учесть, что в разряд «научных» не включены художественные произведения В. К. Арсеньева (хотя всячески подчеркивается их ценность для этнографии), что, на наш взгляд, приводит к известному умалению заслуг ученого перед этнографией. Вспомним, что М. К. Азадовский решительно заявил: «...глубоко неправильно отношение арсеньевских «путешествий» к литературно-художественным или беллетристическим произведениям. Книги В. К. Арсеньева, так же как и книги его великого предшественника Н. М. Пржевальского, являются безусловно памятниками научной литературы.» (Азадовский М. К. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. — В кн.: В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957, с. 61).

³ См. о них: Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет. М. — Л., 1964; Антропова В. В., Таксаки Ч. М. Коллекция Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР по народам тихоокеанского побережья СССР. — Страны и народы Востока, вып. 6. М., 1968; Шафрановская Т. К. Чудес палата, Л., 1967; Станюкович Т. В. Л. Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии (К 125-летию со дня рождения ученого). — Сов. этнография, 1986, № 5, с. 86.

ский — как один из тех, кто создавал тяжелую атмосферу вокруг Арсеньева главным образом в связи с двумя работами, написанными Арсеньевым в 1926—1928 гг. в соавторстве с Е. И. Титовым — «Быт и характер народностей Дальневосточного края» и «Население Дальнего Востока как производительный фактор». В архиве ГО СССР (в фонде Арсеньева) хранится неопубликованная правоучительная статья Липского «Как не следует писать о туземцах» — вместе с ответом В. К. Арсеньева — «Как не следует писать критических статей по этнографии». Однако без обращения к указанному архиву читатель не сможет составить достаточно ясного представления о существовании этой «кругописной дискуссии», в которой отразился один из моментов научной жизни 1930-х годов, когда сложилась традиция осуждать Арсеньева за некоторые положения в названных работах. Причем это осуждение высказывалось в самой общей форме, без внимательного анализа тех факторов, на которых были основаны выводы Арсеньева.

К сожалению, разбор «заблуждений» Арсеньева выглядит довольно беглым и в рецензируемой книге. Замечание о том, что в некоторых работах Арсеньева о населении Дальнего Востока, опубликованных в советский период, «содержатся серьезные недостатки, о которых автор даже не мог подозревать, поскольку его научные взгляды сложились еще в дореволюционное время» (с. 262), вступает в противоречие с перечислением самим Арсеньевым слабых мест в брошюре «Быт и характер...» в его письме С. И. Руденко (ныне в архиве ВГО) от 21 сентября 1929 г. (текст которого приводится на с. 262—263), где под пунктом «3» значится: «Нет марксистского подхода — диалектического материализма». В связи с вопросом об инкриминируемой Арсеньеву недальновидности в оценке перспектив развития малых народов Дальнего Востока вспоминаются страницы из биографического очерка о нем его друга М. К. Азадовского, писавшего, что «...В. К. Арсеньев многого не предвидел и многого не учел, но по большей части эти ошибки были свойственны всему поколению ученых, к которому принадлежал В. К. Арсеньев»⁴.

А. И. Тарасова, ярко показав не только плодотворную научную, но и практическую деятельность Арсеньева, способствовавшую социалистическим преобразованиям в укладе жизни дальневосточных народностей и становлению советской культуры на Дальнем Востоке, приходит к убедительному выводу — некоторые ошибочные суждения о явлениях политического и социального характера, высказанные Арсеньевым в отдельных работах, не могут повлиять на общую высокую оценку его научных исследований. Недостаток листажа вынудил автора отказаться от полного изложения биографических данных (значительная часть их известна читателю по ранее опубликованным жизнеописаниям Арсеньева) и ограничиться лишь самой необходимой канвой, сосредоточив основное внимание на систематизации и анализе материала, проливающего свет на труды Арсеньева, на введении новых данных, а также на исправлении вкравшихся в прежние биографии ошибок и неточностей. При этом сообщение новых данных было отнюдь не механическим процессом дополнения прежних представлений о деятельности Арсеньева, а представляло тщательный анализ нового материала и на этой основе — более глубокое проникновение в творчество ученого.

Проделанная А. И. Тарасовой громадная работа окажет неоценимую помощь при подготовке издания полного собрания сочинений В. К. Арсеньева, о безотлагательной необходимости которого напоминает рецензируемая книга.

Е. В. Иванова

⁴ Азадовский М. К. Указ. раб., с. 70.

НАРОДЫ СССР

Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Сборник статей. Махачкала, 1984, 151 с.

Исследование национальных отношений и их составной части — этнических и культурно-бытовых процессов, протекающих на территории Дагестана, всегда было предметом научных интересов историков, социологов, лингвистов и этнографов. В 1980-е годы опубликован ряд коллективных трудов по этой проблематике¹. Одним из последних в этом ряду является рецензируемый сборник. В основе исследований — конкретные полевые этнографические и этносоциологические материалы, собранные авторами в течение нескольких лет у многих народов Дагестана как в горных, так и в равнинных районах. Немалое внимание уделяется этнографии не только сельского, но и городского населения, и особенно переселенцев с гор на равнину, оказавшихся в новой географической среде и изменивших традиционные хозяйственные занятия.

Сборник открывается статьей М.-Р. А. Ибрагимова «Некоторые аспекты современной этнической географии Дагестана». Автор рассматривает изменения, произошедшие в расселении и этнической структуре отдельных районов и городов республики в совет-

¹ См.: Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980; Социально-этническое и культурное развитие городского населения Дагестана. Махачкала, 1980; Традиционное и новое в современном быту дагестанцев-переселенцев. Махачкала, 1981.